

Упоминание о ребенке вызвало на бледных губах Шу Шиюня нежную улыбку. Превозмогая тошноту, он придвинул к себе миску с кашей, одной рукой массируя ноющий живот, а другой помешивая содержимое ложкой.

— Это... снежная рыба?

— Да.

Каша в миске была белее чистого зимнего снега, без единого постороннего оттенка. Снежная рыба водится лишь в пещерах на самом краю севера. Она абсолютно бела, в ней нет ни единой косточки, а мясо нежное, сочное и тающее во рту, оставляющее долгое приятное послевкусие. Однако эта рыба крайне редко размножается, и каждый год ко двору в качестве дани поставляют не более двадцати штук. Даже самая крупная из них не больше ладони юной девушки, но питательная ценность её в сотни раз выше, чем у ласточкиных гнезд или акульих плавников. Для беременных это поистине священный продукт, лучший способ укрепить плод.

— В этом мире, кроме вас, Чжэнцзюнь, только второй принц по-настоящему добр к господину, — невольно вздохнула Сичжао, и по этим словам Шу Шиюнь понял, откуда взялась рыба.

Снежная рыба была в страшном дефиците. Из двадцати четырех штук, присланных во дворец, пять отправили вдовствующей императрице, пять — императрице, а оставшихся не хватило бы даже на то, чтобы разделить поровну между всеми принцами. Император попросту раздал их лишь тем сыновьям, что пользовались наибольшим расположением, вроде Хэ Жуйтина, даже не вспомнив о беременном Шу Шиюне. Это лишь подтверждало: государю по-прежнему нужен был лишь Хэ Цинцы — бог войны, способный защищать Южные земли и охранять границы, а до его потомства императору не было никакого дела.

В тот же день, когда Хэ Жуйтин получил свою порцию рыбы, управляющий прислал её Шу Шиюню вместе со стопкой серебряных билетов, которых едва хватало на покрытие расходов резиденции Шестого принца, и наказал слугам как следует заботиться о Чжэнцзюне.

Сложное выражение промелькнуло на лице Шу Шиюня, когда он проглотил всю порцию рыбной каши, не притронувшись больше ни к чему. Сичжао не стала настаивать, велела убрать низкий столик и помогла ему лечь.

Не прошло и нескольких дней, как Шу Шиюнь простудился, по ночам его мучил изнуряющий кашель. Порой приступы были настолько сильными, что начиналось кровотечение.

Тай-и Чжан прибыл незамедлительно. Прощупав пульс, он принялся тяжело вздыхать. Врач пояснил: обычный человек быстро поправился бы с помощью лекарств, но Чжэнцзюнь в прошлом перенес выкидыш и не успел должным образом восстановиться, его организм сильно истощен. А теперь, когда он носит под сердцем маленького наследника, использовать сильные препараты опасно. Лучше ограничиться мягкими отварами для постепенного укрепления здоровья.

Сичжао забрала рецепт, отправила слуг за снадобьями, а сама вызвалась проводить старого лекаря. Когда они вышли в задний сад, она достала из рукава слиток серебра и незаметно сунула его Тай-и Чжану, понизив голос:

— Мой господин постоянно в военных походах, он не может присматривать за домом в Шэнцзине. А Чжэнцзюнь слишком мягкосердечен, он чужд борьбы, и даже если его обидят, проглотит горечь и промолчит. Я знаю, что из дворца императрицы до Тай-и доходят разные слухи, но, ради самого принца, прошу вас, позаботьтесь о нашем Чжэнцзюне.

— Что вы такое говорите, девушка? — Тай-и Чжан выпрямил спину и решительно вернул серебро. Его старое лицо стало суровым. — Не говоря уже о том, что я и мой сын многим обязаны принцу и его Чжэнцзюню, мы готовы положить головы ради них! К тому же, принц служит стране и народу, защищает границы и изгоняет врагов, посягающих на нашу Великую Ян. Его слава бога войны гремит по всему миру, и всё, что мы можем сделать — это оберегать его Чжэнцзюня...

Стоило ему начать, как остановиться было уже невозможно. Сичжао провожала его, молча вздыхая про себя.

Из Южных земель одна за другой приходили победные вести. Хэ Цинцы был непобедим: он брал крепости, захватывал в плен вражеских генералов, обезглавил главнокомандующего Да Суй и даже перешел в контрнаступление, вторгшись на их земли. Похоже, скоро правитель Да Суй запросит мира.

Когда-то самый нелюбимый Шестой принц стал желанным богом войны. Множество знатных семей в Шэнцзине мечтали выдать своих детей за него, завидуя богатству и почету. И теперь, когда императрица и её клика проявляли такую настойчивость, пытаясь выдать замуж представителя клана Чжао, это делалось лишь ради того, чтобы под предлогом брачного союза прибрать Хэ Цинцы к рукам и получить козырь в будущей борьбе за престол.

По всем улицам Шэнцзина ходили слухи, будто принц до сих пор никого не подпускает к себе, кроме Чжэнцзюня, лишь потому, что всё ещё любит господина Чжао Хэна и ждет момента, когда сможет возвыситься, чтобы взять его в дом. И что сам Чжао Хэн хранит ему верность, отказывая всем женихам. Поговаривали даже, будто принц уже подумывает о том, чтобы отправить Чжэнцзюня в отставку и сделать своей законной супругой того, кого по-настоящему любит.

<http://bllate.org/book/19189/1884657>